

Говорите по очереди: нетехническое введение в разговорный анализ

Андрей Корбут

Кандидат социологических наук, научный сотрудник
Центра фундаментальной социологии ИГИТИ НИУ ВШЭ
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: korbut.andrei@gmail.com

В статье, предваряющей публикацию перевода статьи Харви Сакса, Эммануила Шеглоффа и Гейл Джефферсон «Простейшая систематика организации очередности в разговоре», рассматриваются концептуальные и методологические основания разговорного анализа. Показывается, что разговорный анализ, который реализует программу примитивной естественной социальной науки, сформулированную Харви Саксом, предлагает революционный подход к изучению социальных феноменов, основанный на детальном анализе естественно протекающих повседневных взаимодействий. Оставаясь тесно связанным с этнометодологией Гарольда Гарфинкеля, разговорный анализ показывает, насколько тщательными и подробными могут быть социологические описания, предполагающие выявление за каждым социальным событием разговора или любой другой социальной практики общих механизмов («машинерии») его производства. Такой подход, однако, несет в себе угрозу утраты изначальной цели изучения локальной совместной работы взаимопонимания участников социальных ситуаций, поскольку по мере накопления описаний механизмов производства и восприятия взаимодействий в разговорном анализе усиливается тенденция к формализации, ведущая к тому, что исследователь начинает коллекционировать случаи и особенности функционирования уже известных «техник взаимодействия». В статье рассматривается значение «Простейшей систематики» с точки зрения реализации первоначальной программы разговорного анализа, а также обсуждаются особенности перевода ключевых терминов разговорного анализа на русский язык.

Ключевые слова: разговорный анализ, Харви Сакс, этнометодология, социология повседневности, практика разговора, методология социологии

Разговорный анализ — революционная социологическая дисциплина. Этот тезис может показаться странным, особенно учитывая огромное количество попыток «упаковать» его в качественную социологию, этнометодологию, социолингвистику и т. д., но если присмотреться более внимательно к изначальным намерениям его создателей и к конкретным конверс-аналитическим исследованиям, мы увидим там не просто очередной подход к социальным феноменам, а принципиально иное описание как социальной жизни в целом, так и способов ее изучения. Разумеется, любой новый социологический подход претендует на революцию, но

© Корбут А. М., 2015

© Центр фундаментальной социологии, 2015

есть очень мало подходов, которые производят переворот в том, какого рода данные собирают социологи и как они с этими данными работают. Сложность с конверсационным анализом заключается в том, что большинство как его критиков, так и его пользователей не замечают, что у технического смысла конверсационного анализа есть «второе дно»: радикальная версия социологии. Эта версия оставалась неизменной начиная с первых работ Сакса 1960-х гг. и заканчивая «Хрестоматией по конверсационному анализу» 2012 года, хотя по мере технического совершенствования конверс-анализа она все больше уходила в тень, вплоть до того, что сегодня конверсационный анализ практикуют как частную лингвистическую методику. В настоящей статье я попытаюсь прояснить нетехнический смысл конверсационного анализа и показать, какое значение для социологии имеет наиболее цитируемая статья в данной области — «Простейшая систематика организации очередности в разговоре». Поскольку настоящая работа является предисловием к первому переводу «Простейшей систематики» на русский язык, в заключение я рассмотрю проблему передачи конверс-аналитической терминологии в русском языке.

Примитивная естественная социальная наука

Конверсационный анализ¹, каким он известен сегодня, — результат сотрудничества многих людей. Тем не менее своей первоначальной формулировкой он обязан в основном одному человеку — Харви Саксу (1935–1975). Именно саксовское понимание социологии стало импульсом для развития СА. С самого начала его понимание социологии было крайне неортодоксальным. Приведу лишь одну цитату из лекции 1967 года:

«Давайте я попробую разъяснить, чем занимаюсь. Когда я начал проводить социологические исследования, у меня была конкретная цель: я осознавал, что социология не сможет стать настоящей наукой, пока не научится работать с деталями реальных событий, работать с ними формально и прежде всего быть информативной насчет них таким же образом, каким стремятся быть информативными примитивные науки. То есть вы могли бы рассказать своей маме о своих находках, и она смогла бы увидеть, что так оно и есть. Примитивные дисциплины стремятся быть информативными именно таким прямым способом. Это колоссальный контроль над пониманием того, удалось ли вам что-либо узнать» (Sacks, 1992: I, 621–622).

Эта цитата — «семенная бомба»²: из нее в дальнейшем вырастает множество различных концептуальных и методологических находок (а также некоторое количество серьезных трудностей). Попробуем их перечислить:

1. Далее я буду иногда обозначать конверсационный анализ с помощью общепринятой аббревиатуры СА (conversation analysis).

2. «Семенная бомба» — элемент так называемого «партизанского садоводства», представляющий собой шар из почвы, гумуса и семян растений, забрасываемый в любое подходящее место.

1) Социология должна работать с деталями реальных событий, т. е. с естественно протекающими взаимодействиями или речью-во-взаимодействии³. Это не так уж легко выполнимо, несмотря на то, что социология всегда заявляла о своей эмпирической ориентации. Саксовский эмпиризм — иного рода, который до этого почти не встречался в социологии. Он предполагает, что данные, которыми должна оперировать социология, — это естественно доступные данные, заключающиеся в деталях конкретных событий. Обычно социология оперирует либо специально созданными репрезентациями (сюда относятся не только числовые модели, но и, например, коды, приписываемые фрагментам интервью), либо вторичными данными (скажем, Ирвинг Гофман любил ссылаться на романы, журнальные статьи, руководства по этикету, пьесы и т. д.), либо искусственными примерами (как в случае теории речевых актов). Согласно Саксу, социология должна обратиться к актуальным действиям в их деталях. Хотя данный принцип имеет своим истоком этнометодологию Гарольда Гарфинкеля, Сакс был, пожалуй, первым, кто реализовал его в программе исследований, тем самым радикализовав этнометодологию. До этого этнометодология носила скорее этнографический характер. После этого можно наблюдать всплеск этнометодологических исследований, основанных на детальном анализе реальных практик. Иными словами, Сакс показал, насколько глубоко может быть детализация в социологическом исследовании.

2) Предметом детализация в случае Сакса и его коллег стали повседневные разговоры, однако это было связано не столько с тем, что разговоры представляют собой какой-то принципиальный момент социальной организации, сколько с технической доступностью разговоров. Согласно Щеглоффу, Сакс впервые осознал, насколько детально упорядочены социальные практики, когда анализировал записи звонков в Центр предотвращения самоубийств (Schegloff, 1992: xvi–xvii). В целом первый корпус данных, с которым работал Сакс и его соратники, состоял из записей разговоров, которые вели люди во время звонков в данный центр или в полицию, а также из аудиозаписей терапевтических сессий в указанном центре. Однако в дальнейшем Сакс и Щеглофф также предпринимали попытки работать с видеозаписями (Sacks, Schegloff, 2002), что нашло продолжение в последующих конверс-аналитических исследованиях (Goodwin, 1981). Следовательно, в полном соответствии с исследовательской политикой этнометодологии⁴, Сакс не делал различия между «более упорядоченными» и «менее упорядоченными» практиками. Разговор как повседневная практика столь же упорядочен, как и любая другая. Задача состоит не в том, чтобы показать, каким образом в разговоре создается социальный порядок, а в том, чтобы показать, как в разговоре создается сам разговор как локальный социальный порядок. Для этого нам необходимо распростра-

3. Речь-во-взаимодействии (talk-in-interaction) — термин, авторство которого приписывают Щеглоффу. Сегодня он все чаще используется для обозначения предмета конверсационного анализа, выступая его своеобразной концептуальной визитной карточкой.

4. «Такая политика подразумевает, что любые мыслимые типы исследования, начиная с гадания и заканчивая теоретической физикой, представляют интерес в качестве социально организованных искусных практик» (Garfinkel, 1967: 32).

нить принцип эпистемического эгалитаризма⁵ на структуру самого разговора. Отсюда вытекает знаменитый принцип Сакса «*порядок во всех точках*» (Sacks, 1992, I: 484), который означает, что, анализируя детали актуальных разговорных событий, мы должны рассматривать каждую деталь как упорядоченную деталь, т. е. деталь, которая была *каким-то*, пока неизвестным, образом произведена. Разговор целиком и полностью упорядочен.

3) Но простого заявления о том, что нужно изучать детали реальных событий, было мало. В такой формулировке этот тезис еще недостаточно радикален. Радикальность он приобретает тогда, когда к нему добавляется еще одна идея — идея того, что детали реальных событий не только производятся самими участниками повседневных ситуаций, но и сама их анализируемость является естественной анализируемостью, в производстве которой заключаются социальные (в том числе — разговорные) действия. Рядовые члены общества совершают действия таким образом, чтобы они были анализируемы другими рядовыми членами общества. В этом смысле социолог не обладает никакими привилегиями. Более того — он должен не показать, как обыденные действия можно анализировать методами социологии, а выявить, как они анализируются самими участниками. Анализируемость высказываний обеспечивается обыденными процедурами (например, процедурами организации очередности), а не социологическими или лингвистическими техниками. Феномены, с которыми имеет дело социология, настолько примитивны, что они доступны *любому* (включая вашу маму). Сакс сравнивает такую примитивную социологию с биологией на первых этапах ее становления, когда описывать биологические феномены мог любой, и эти описания были понятны и доступны тоже любому. В этом смысле социология должна быть описательной наукой, контролируемой данными. Оценка продуктивности полученных результатов должна основываться на том, узнают ли рядовые члены общества предложенные описания в качестве описаний того, что действительно имеет место, — описаний некоего *так*. Следовательно, социологи могут изучать естественно опознаваемые действия, которые опознаются участниками конкретной ситуацией, но точно так же они опознаваемы любыми людьми, поскольку производятся в своей конкретности как *общие* феномены порядка.

4) Эта общность является еще одним принципиальным моментом саксовской архитектуры социологии, из которого в дальнейшем вырастает характерный для

5. Термин «эпистемический эгалитаризм» ввел Майкл Линч (Lynch, 1997: 372). Лучшей иллюстрацией его противоположности является одна из машин Сакса. В своих работах и лекциях Сакс иногда создавал вымышленные машины, которые служили метафорами социологической работы. Одна из таких машин — машина по производству порядка (Sacks, 1992, I: 484). Эта машина представляет собой устройство с двумя отверстиями спереди и одним сзади. Из передних отверстий выходит «хороший материал», из заднего — «мусор». «Хороший материал» — это упорядоченные свойства социальных событий, «мусор» — неупорядоченные. Социологический аппарат — это такого рода машина, в которой «порядок» приписывается только определенным частям общества, прочие же считают случайным «шумом». Сакс противопоставляет этой машине другую машину, которая, во-первых, предполагает, что общество упорядочено во всех частях, и во-вторых, эта машина создается и используется самими членами общества.

конверсационного анализа способ работы с данными. В приведенной цитате Сакс подчеркивает, что, по его мнению, социология должна иметь дело с социальными событиями «формально». Социологический формализм здесь, впрочем, легко спутать с тем, чем он не является. Сакс пытался показать, что формальность социологического описания обозначает не выявление статистической общности, а обнаружение «механизмов», «приемов», «машинерии», «процедур», «правил», «максим», «приемов», «техник»⁶, производящих конкретные случаи. Сначала мы берем конкретный случай, а потом пытаемся найти, какая машинерия его произвела. Подобная формальность схватывает механизмы, отвечающие за производство обыденного порядка. Это те самые «методы», которые делает своим предметом этнометодология. Правда, в конверсационном анализе описания этих методов в последующем становятся порой настолько формализованными, что этнометодологи перестают узнавать в них «свои» методы⁷. В этом смысле в высказывании Сакса присутствует некоторая двойственность. С одной стороны, его формальные описания должны служить цели выявления общих способов производства единичных событий, но с другой — они могут применяться для легитимации такой примитивной социологии в качестве науки, что связано с целым комплексом проблем. Попытка совместить эти две задачи, которую, несомненно, предпринял Сакс, опасна тем, что в итоге оборачивается доминированием второй из них, которая начинает подчинять себе первую. В то же время это, очевидно, не приговор, а опасность, о которой не стоит забывать. По крайней мере, вся последующая история конверсационного анализа показывает, что он способен сопротивляться попыткам превращения его в «нормальную науку», для которой верность своим методам важнее верности своим данным.

Тем самым программа примитивной естественной социальной науки, реализованная в конверсационном анализе, по своим амбициям выходит далеко за пределы одного подхода. Впрочем, некоторая часть этих амбиций была реализована. В этой связи следовало бы проанализировать (что я не буду здесь делать), какое влияние СА оказал на дисциплины и подходы, в окружении которых он складывался. Наибольшее количество пересечений обнаруживается между СА и этнометодологией, однако важным для его становления были и интеракционная социология Гофмана, и социолингвистика и этнография речи Хаймса, Граймса и Гамперца, и генеративная грамматика Хомского, и философия обыденного языка Витгенштейна и Остина, и теория речевых актов Серля⁸. Все эти исследовательские традиции испытали на себе влияние конверсационного анализа, хотя только в случае первых двух можно говорить о каком-то продолжительном и глубоком *взаимном* воздействии⁹. Из остальных подходов СА заимствовал лишь некоторые

6. Все эти термины для Сакса более-менее взаимозаменяемы.

7. Этнометодологическую критику конверсационного анализа можно найти в: Coulter, 1983; Livingston, 1987: 65–85; Lynch, 1985: 8–10; Lynch, 2000a; Lynch, Bogen, 1994.

8. Об интеллектуальных корнях СА см.: Maynard, 2012.

9. Причем случай Гофмана следует обсуждать отдельно. Гофман, у которого Сакс защищал диссертацию, был, мягко выражаясь, не очень доволен работой своего аспиранта и отказался подписы-

термины и самую широкую ориентацию, гораздо больше изменив их, нежели изменившись под их влиянием. Связка СА—этнометодология оказалась наиболее прочной, поэтому сегодня существует Международный институт этнометодологии и конверсационного анализа¹⁰, в Американской социологической ассоциации работает секция этнометодологии и конверсационного анализа, в издательстве «Ashgate» выходит серия «Направления исследований в этнометодологии и конверсационном анализе». Эта связка указывает не только на историческую и биографическую общность двух подходов¹¹, но и на их методологическое единство. Впрочем, вопрос о том, является ли конверсационный анализ одним из направлений этнометодологии, не имеет однозначного ответа, хотя я буду исходить из того, что это так¹². Для настоящей статьи важнее вопрос о том, в чем именно заключается специфика методологии СА, которая не только изменила направление развития этнометодологии, оставаясь на многих уровнях ее продолжением, но и способна революционизировать социальные науки в целом.

Что мы слышим и как мы слышим

Указанная выше ориентация СА на выявления «машинерии», отвечающей за производство каждого конкретного случая социального взаимодействия, в том числе — разговора, реализуется в двух вопросах, которые постоянно задает в своих лекциях Сакс и которые затем можно найти в любом конверс-аналитическом исследовании: «что мы слышим?» и «как мы это слышим?». Поскольку любой разговор — это совместное достижение его участников, «слышимость» отдельных реплик является условием и результатом текущего взаимодействия в каждый момент времени. Но в то же время это «мы» включает исследователя, для которого способ слышания конкретных высказываний составляет как предмет изучения, так и проверочный критерий адекватности его описания. «Что мы слышим» указывает на конкретное понимание данного высказывания, «как мы слышим» указывает на общий механизм, ограничивающий это понимание. Анализ развивается как постоянное движение от одного к другому: от «какая машинерия произвела *это* высказывание?» до «могли ли *такая* машинерия произвести это высказывание?» и обратно.

вать окончательный вариант (Schegloff, 1992: xxiv). Однако если судить по последним работам Гофмана (в особенности по «Формам речи», но частично и по «Аналізу фреймов»), он воспринимал СА как серьезный вызов, пытаясь совместить свой подход, основанный на систематическом наблюдении и анализе вторичных описаний, с предлагаемым Саксом и его коллегами тщательным анализом феноменов, обнаруживаемых в записях реальных разговоров. Судя по всему, эта попытка скорее не удалась, чем удалась. О связи конверсационного анализа с подходом Гофмана см.: Schegloff, 1988.

10. www.iiemca.org

11. Сакс много сотрудничал с Гарфинкелем, который в том числе включил его в проект по изучению работы Центра предотвращения самоубийств.

12. По крайней мере, можно заниматься СА в рамках этнометодологии. См., например, изложение СА как этнометодологического направления в: Heritage, 1984: 232–292. Хотя это не снимает вопроса о том, можно ли заниматься СА за пределами этнометодологии.

Поскольку исследователь начинает с конкретных деталей актуальных действий, он не может знать, какая именно машинерия их произвела. Мы не знаем изначально, что именно интересно в имеющихся у нас материалах. Мы можем делать предметом анализа *все что угодно*, и пытаться найти в этом *что-то* интересное. При этом, поскольку мы не знаем заранее, что именно будет интересным, у нас нет оснований считать какие-то данные более подходящими для анализа, а какие-то — менее. Например, короткий обмен приветствиями в коридоре — не менее упорядоченная вещь, чем прения сторон в суде. В каком-то смысле для конверсационного анализа предпочтительнее первого рода данные — самые рутинные, тривиальные, незаметные взаимодействия, но только в том смысле, что в социальных науках уже выработаны способы слышания судебных заседаний, но нет способов слышания приветствий, поскольку последние «неинтересны» и кажутся неупорядоченными. Однако в конечном счете ни одни данные не лучше и не хуже других. За всеми ними стоят некоторые механизмы, которые понимаются буквально, как аппараты, ориентированные на производство узнаваемых действий и действий узнавания. Эти аппараты можно только открыть, их невозможно придумать или предположить. Соответственно, данные для СА важны лишь в их конкретности, как *именно эти* слова и действия. Хотя Сакс и другие конверс-аналитики часто предлагают провести мысленный эксперимент и представить, что было бы, если бы вместо данной фразы или слова была другая фраза или слово, такая процедура не отражает то, что делают сами участники, которые не совершают выбор между равно релевантными альтернативами действия, исходя из общей культуры, к которой они принадлежат. Скорее, подобные эксперименты должны еще больше заострить внимание исследователя на вопросе: «почему это делается сейчас?» (Sacks, 1992: II, 530).

Поскольку разговоры, как и любые другие обыденные практики, организованы на детальном уровне, в конверсационном анализе была разработана процедура транскрипции записей деталей естественной речи¹³. Первоначально эта транскрипция была менее подробной, нежели впоследствии, что было связано в том числе с тем, какого рода феномены изучались в СА. Если открыть лекции Сакса, то по ним можно отследить, что тема организации чередования говорящих возникает далеко не сразу. Сначала его интересовало то, что он называет «структурами связывания», «феноменами связывания», «правилами связывания», «феноменами последовательности». Однако по мере того как на первый план выходят феномена смены говорящих, возникает потребность в более детальном транскриптах. При этом фонетическая транскрипция здесь неприменима, так как нужно отображать *слышимые участниками* детали разговоров, составляющие естественную структуру взаимодействия. Это не детали *речи*, это детали *действий*, предпринимаемых собеседниками, т. е. *практики* разговора. Плюсы новой, подробной системы транскрибирования в полной мере видны уже в самой известной статье по кон-

13. Система была разработана Гейл Джефферсон. Наиболее полное ее изложение см. в: Jefferson, 2004.

версационному анализу — «Простейшей систематике организации очередности в разговоре». Детальная фиксация нюансов разговора предоставляет не только технические преимущества — мы можем многократно просматривать транскрипт и распространять его среди других исследователей, — но и позволяет открывать все новые и новые техники разговора. Поскольку в ходе взаимодействия люди реагируют на слышимые особенности речи собеседников: паузы, интонации, громкость, скорость и т. д., транскрипт сам становится машиной по производству открытий, поскольку в нем мы можем визуально сопоставить те аудиальные аспекты речи, которые легко упустить, просто слушая запись, даже многократно. Безусловно, транскрипт от этого не становится некоторым заместителем реальной записи, которая, в свою очередь, не является заместителем реального разговора. Транскрипт — лишь инструмент анализа реального взаимодействия.

Указанный выше принцип выявления механизмов производства конкретных высказываний побуждает конверс-аналитиков концентрироваться на небольших эпизодах разговоров. Это как удобно с аналитической точки зрения, так и отражает особенности самих разговоров, в которых можно выделять относительно законченные естественные «единицы»: начала разговоров, окончания, истории, отклонения, перечисления и пр. Такая фокусировка в дальнейшем способствовала появлению еще одной характерной процедуры: составления коллекций. Если Сакс работал в основном с отдельными эпизодами, то следующие поколения конверс-аналитиков уже собирают все доступные им фрагменты (иногда счет идет на сотни), в которых наблюдается некоторый феномен, и пытаются выявить, какие особенности данного феномена можно наблюдать в разных случаях. Это, с одной стороны, расширило возможности анализа, поскольку стало возможным обнаруживать общие методы организации разговорного взаимодействия за счет сопоставления разных случаев, но с другой — еще больше усилило тенденцию к формализации, поскольку теперь разговор начал буквально разбираться на части исходя из аналитических соображений, связь которых с обыденными соображениями участников становится проблематичной. Отчасти угроза формализации снимается тем, что в СА сам разговор может рассматриваться как единица, но такое рассмотрение не препятствует замещению реальной работы разговора аналитическими конструкциями¹⁴.

Несмотря на риск, который несет с собой составление коллекций, коллекции формируются в СА так же, как это изначально предполагается в проекте примитивной естественной социологии: берутся любые данные и просматриваются (про-

14. Как отмечает Эрик Ливингстон, «использование аудиозаписей разговоров и транскриптов отдалило его [Сакса] от наблюдаемой, живой работы производства обыденного разговора собеседниками. Жесты, указания, телесное присутствие, локальная историчность сказанного, предыдущая определенность высказывания, действия собеседников и осуществляемые ими виды деятельности не были и не могли быть частью изучаемых транскриптов и аудиозаписей. В дальнейшем конверс-аналитики попытались учесть наличие этих аспектов разговоров в качестве чего-то, совпадающего с документируемыми ими разговорными структурами, в качестве дополнительных, подкрепляющих действий, а не в качестве неотъемлемой части разговора» (Livingston, 1987: 76–77).

слушиваются) до тех пор, пока какой-то феномен не обратит на себя внимание, после чего исследователь пытается реконструировать машинерию, производящую этот феномен. В принципе, так можно поступать не только с аудиоданными. Как показало последующее развитие видеоанализа¹⁵, подобным образом можно работать с любого рода материалами. Более того, механизмы, которые описываются в конверс-анализе, являются в определенном смысле не механизмами слышания, но механизмами слышания-видения. Речь идет не только о том, что в ходе разговора взгляды людей участвуют в организации взаимодействия (скажем, по тому, куда смотрит собеседник, мы судим, слушает ли он нас). Помимо этого, мы *видим*, что происходит то, что, как мы *слышим*, происходит. Например, слушая рассказываемую кем-либо историю, мы предполагаем, что последовательность высказываний отражает последовательность событий. И эти же механизмы отвечают за то, как мы видим те или иные сцены социальной жизни.

Отмеченные особенности методологии СА складывались постепенно и с разной скоростью. Тем не менее в истории СА есть одна работа, которая занимает уникальное место: статья Сакса, Щеглофа и Джефферсона «Простейшая систематика организации очередности в разговоре» (Sacks, Schegloff, Jefferson, 1974). В этой статье сошлись воедино многие линии как предыдущего, так и последующего развития конверсационного анализа, в силу чего именно она была выбрана для перевода. Ниже я остановлюсь на ней более подробно, но хочу сразу предупредить: я не собираюсь рассматривать ее в свете интеллектуальной хронологии СА. С момента публикации данной статьи появилось огромное количество книг и статей по конверсационному анализу, обозреть которые даже в рамках одной статьи невозможно (их тысячи). Конверс-аналитики изучали судебные заседания, уроки, ток-шоу, телефонные разговоры, звонки в службу 911, взаимодействия пациента и врача, социологические опросы, телевизионные новости, полицейские допросы, бизнес-собрания, академические лекции и множество других вещей, используя для этого как аудио-, так и видеоданные. Наиболее полным срезом СА на данный момент следует считать, вероятно, «Хрестоматию по конверсационному анализу» (Sidnell, Stivers, 2012). Отдельно следует упомянуть публикацию стенограмм лекций Сакса в двух томах в 1992 году (Sacks, 1992), которая, впрочем, имеет значение даже не столько для СА, сколько для социологии в целом. Далее я попробую прояснить, *о чем* указанная статья, поскольку она является наиболее интересным и важным *входом* в конверсационный анализ.

SSJ¹⁶

SSJ — самая известная и цитируемая статья по конверсационному анализу. Кроме того, согласно Web of Science, это самая цитируемая статья в журнале «Language», являющегося официальным печатным органом Лингвистического общества

15. См.: Heath, Hindmarsh, Luff, 2010; Broth, Laurier, Mondada, 2014.

16. Здесь и далее я буду обозначать «Простейшую систематику» аббревиатурой SSJ.

Америки, за все время его существования¹⁷. Выбор журнала для публикации не случаен: в этой статье авторы показывают, каким образом можно совместить лингвистический интерес с социологическим и рассмотреть традиционно лингвистические феномены языковой структуры в свете социологической проблематики организации социальных взаимодействий.

На данный момент, помимо SSJ, опубликованы еще две версии этой работы. Первая, озаглавленная «Первоначальная характеристика организации чередования говорящих в разговоре» (Sacks, 2004), представляет собой небольшую заметку Сакса, в которой формулируются ключевые сюжеты SSJ, но отсутствуют данные. Тем не менее и идея «один говорящий за раз», и набор правил, и принцип минимизации задержки и наложения там уже прописаны. Вторая версия, так называемая «вариативная» (Sacks, Schegloff, Jefferson, 1978), была опубликована позже SSJ и представляет собой аутентичный текст, без редакторских правок, которые были внесены при публикации в «Language». Впрочем, эти правки не носят принципиальный характер, поэтому при выборе варианта для перевода я ориентировался на тот, который более известен.

Я не буду подробно рассматривать содержание SSJ. Поскольку значительная часть статьи посвящена обсуждению конкретных разговорных феноменов, их анализ потребовал бы привлечения всех последующих конверс-аналитических исследований, посвященных отдельным темам и во многом корректирующих или даже опровергающих первоначальные наблюдения. Например, сегодня существует масса литературы о «смежных парах», в которой первоначальные описания Сакса и соавторов дополняются и модифицируются. Гораздо более важным с точки зрения общей программы СА как примитивной естественной социальной науки представляется то, каким образом авторы SSJ тематизируют разговор в качестве повседневной практики. Этот аспект СА остается одним из его краеугольных камней.

SSJ посвящена системе организации очередности¹⁸ в разговоре, которая, конечно же, является не единственной системой, обеспечивающей разговорные взаимодействия. Не менее важной является, например, система организации последовательности чередов, накладывающая ограничения на начало, течение и окончание разговора. В том, что касается чередования говорящих, авторы отталкиваются от «грубого» наблюдения, которое может сделать любой, не только социолог: обычно в ходе разговора говорит один человек за раз. Это связано прежде всего с тем, что если одновременно будут говорить несколько человек, они не услышат друг друга. Поэтому когда мы начинаем разговаривать, у нас появляется прагматическая задача: организовать чередование говорящих. Как отмечается в начале SSJ, эта задача аналогична многим другим задачам, с которыми мы сталкиваемся в повседневной

17. По данным Web of Science на 24.03.2015, статью процитировали 3199 раз. При этом 45% ссылок было сделано в журналах по лингвистике, 22 — по психологии, 15 — по коммуникации и 11 — по социологии.

18. Относительно терминологических решений см. следующий раздел статьи.

жизни, например, при пересечении перекрестка на автомобиле или при выходе из метро в потоке людей. Когда мы говорим, мы должны говорить по очереди. Обычно социологи вводят дополнительный набор правил, формальных и неформальных, которые должны объяснить упорядоченность взаимодействий в подобных ситуациях. В SSJ тоже предлагается «набор правил», но они носят совершенно иной характер. Приведу их полностью, поскольку они важны для дальнейшего изложения.

«1) Для любого череда в первом релевантном месте перехода первой единицы конструирования череда:

а) если наличный черед конструируется так, что он предполагает использование техники «текущий говорящий выбирает следующего», тогда выбранный участник имеет право и обязан использовать свой черед; ни у кого больше таких прав или таких обязанностей нет; в этом месте происходит передача права голоса;

б) если наличный черед конструируется так, что он не предполагает использование техники «текущий говорящий выбирает следующего», тогда следующий может, но не обязан, осуществлять самовыбор; права на черед приобретает первый стартовавший; в этом месте происходит передача права голоса;

в) если наличный черед конструируется так, что он не предполагает использование техники «текущий говорящий выбирает следующего», тогда текущий говорящий может, но не обязан, продолжать говорить до тех пор, пока другой участник не совершит самовыбор.

2) Если в первом релевантном месте перехода первой единицы конструирования череда не были использованы ни 1а, ни 1б и, согласно условию 1в, текущий говорящий продолжил говорить, тогда набор правил а–в применяется вновь в следующем релевантном месте перехода, и это повторяется в каждом следующем релевантном месте перехода, пока не произойдет передача права голоса» (Sacks, Schegloff, Jefferson, 1974: 704).

В основе этих правил, как можно видеть, лежат техники выбора следующего говорящего. Первые три правила указывают на три такие техники, которые, по мнению авторов, применяются в определенной последовательности, наличие которой влияет на каждую из техник. Следующий говорящий может либо назначаться текущим говорящим, либо вступать в разговор сам, по своей инициативе, либо оказываться тем же самым говорящим, т. е. текущий говорящий может продолжать говорить. Все эти возможности реализуются или не реализуются одна за другой. Кроме того, вводится дополнительное правило, обеспечивающие (потенциально бесконечное) повторение данной последовательности.

Эти «правила», однако, не похожи на любые другие социологические «правила». В данном случае речь идет о практических задачах ведения разговора, которые решаются говорящими с помощью специфических методов, т. е. о машинерии, которая производит отдельные события разговора. Эта машинерия встроена в сам разговор, и в этом смысле она является «базовой». Термин «базовый набор

правил», используемый в SSJ, может ввести в заблуждение, поскольку не составляет труда представить себе разговор как последовательность действий, которыми *руководят* правила. Но в формулировке данных правил заложена другая идея: действия в разговоре *закljučаются* в методических осуществлениях. То, что мы говорим по очереди, хотя ситуации одновременного говорения возникают и в отдельных случаях могут быть достаточно продолжительными, является локальным совместным достижением участников разговора, которые в каждый момент времени решают задачу производства упорядоченного взаимодействия в деталях произносимых слов. Тем самым фокус внимания в разговоре смещается с *содержания* говорения, которое должно быть еще социологически объяснено, на *работу* говорения, которая должна делаться объяснимой здесь и теперь *самими* участниками разговора. В фокусе СА как примитивной науки о разговоре оказывается непосредственно наблюдаемый феномен смены говорящих, которая не происходит сама собой. При этом техники смены говорящих реализуются¹⁹ не всегда и везде, а только в определенных местах. В SSJ эти места называются «релевантными местами перехода», и хотя они соотносятся с лингвистическими единицами (например, окончание предложения, по мнению авторов SSJ, может составлять такое релевантное место перехода), это принципиально интеракционный феномен, поскольку здесь решается главная задача: определение того, кто и каким образом может вступить в разговор.

Таким образом, указанные правила необходимо рассматривать прежде всего с точки зрения работы локальной организации и ситуативного производства феноменов порядка в разговоре. Любая квалификация тех или иных аспектов разговора должна указывать на ту машинерию, которая их произвела. Например, если «вопрос» и «ответ» — это не изначальные характеристики высказываний, которые должны быть еще поняты²⁰, а результат текущей работы согласования усилий участников разговора. Опознаваемость происходящего в разговоре — это достижение. Мы не слышим «вопрос» или «ответ», мы слышим *это* высказывание, узнаваемость которого в качестве вопроса или ответа должна быть еще произведена, шаг за шагом.

В таком случае «базисность» перечисленных правил должна быть респецифицирована. В первом, расплывчатом приближении их базисность обозначает те главные задачи, которые приходится решать собеседникам в *определенные* моменты разговора. Когда мы как участники сталкиваемся с необходимостью смены говорящего, мы решаем конкретные задачи, на которые указывают данные правила. В другие моменты разговора мы решаем другие задачи. Например, когда мы рассказываем историю, мы «резервируем» за собой право ее закончить, и нам нет необходимости организовывать переход права голоса. Кроме того, при смене го-

19. Не в том смысле, что они каким-то образом существуют до взаимодействия.

20. Их можно понять, скажем, в контексте пола говорящих, показав, что в подавляющем большинстве случаев женщины задают вопросы, а мужчины дают ответы.

ворящих не стоит вопрос о том, в какой последовательности следуют череды. Техники упорядочивания очередности используются в *любых* чередях.

Во втором, более строгом смысле перечисленные правила указывают на необходимость дальнейшего прояснения того, какие именно техники используются. Каждая из трех техник является классом или множеством способов, соответственно, назначения говорящих, самовыбора или продолжения говорения. В SSJ можно найти описания некоторых из этих способов, список и характеристики которых были существенно расширены в дальнейших конверс-аналитических исследованиях.

Наконец, есть еще одно понимание «базисности», о котором говорит Сакс в лекции 1968 года (Sacks, 1992, II: 50–55). Он предлагает рассматривать базисность данных механизмов с точки зрения их нарушения: при нарушении этих правил, хотя они и являются общими, происходит индивидуальное вменение вины. Например, если кто-то постоянно прерывает собеседников, мы говорим, что он грубиян. Иными словами, эти правила носят обобщенный характер и в этом отношении не специфицируют конкретные ситуации, но их применение связано с правами и обязанностями отдельных участников. Это значит, что благодаря данным правилам разговор самоорганизуется. *Каждый* участник поддерживает разговор как *общее* достижение. Возможность реагировать на нарушение правил заложена в саму систему правил. Нет никаких дополнительных правил, касающихся того, как реагировать на нарушения. Механизмы исправления нарушений основываются на тех же самых правилах, нарушение которых они призваны исправлять. Поэтому указав данные правила, мы указываем на то, что само не требует дополнительных объяснений, но в то же время не является объяснительным принципом, а скорее специфицирует совершаемую интеракционную работу.

Сказанное о базовом наборе правил, однако, не снимает принципиальной возможности читать их так, как если бы в ходе разговора люди действовали *по* этим правилам. Вместе с рядом методологических инноваций, предложенных в данной статье, как то: работа с коллекциями случаев и максимально детальное транскрибирование, это обстоятельства повлияло в дальнейшем на рецепцию SSJ. Изнутри СА SSJ воспринимается как точка отсчета «зрелого» конверсационного анализа: «...было бы справедливо сказать, что данная статья внесла значительный вклад в становление конверсационного анализа как самостоятельной дисциплины» (Lerner, 2004: 4). Здесь прежде всего имеется в виду, что в SSJ была предложена общая концептуальная рамка, обозначены направления исследований, поставлены ключевые вопросы и предложена методологическая схема для работы. Однако за пределами СА может складываться иное впечатление. В этом отношении показательна дискуссия между этнометодологами Майклом Линчем и Уэсом Шерроком (Lynch, 2000a, 200b; Sharrock, 2000). Линч полагает, что SSJ озаменовала профессионализацию конверсационного анализа и превращение СА в формально-аналитическую процедуру (Lynch, 2000a: 527), которая, хотя и сохраняет свою связь с феноменологической ориентацией этнометодологии, предлагает такой взгляд на

разговорные практики, в котором формальные свойства разговора мешают увидеть ситуационную работу ее участников. В ответ Шэррок предлагает рассматривать SSJ не как вежу, указывающую на принципиальную смену ориентации, а как важнейший этап в рутинизации СА как дисциплины:

«Для меня данная статья представляет собой не что иное, как педантичное и тщательное резюме примерно десятилетней работы; „систематика“ подводит черту под основным проектом изучения системы очередности в разговоре, которая была одним из главных предметов интереса Сакса, Щеглоффа и Джефферсон на протяжении этого периода. Конверсационный анализ, каким он был до 1974 года, фактически закончился. Я имею в виду, что в статье представлены все важнейшие элементы решения „проблемы очередности“, и насколько я могу судить, в течение многих лет после формулирования модели почти — или вообще — никто не внес существенного вклада в данный проект» (Sharrock, 2000: 534).

Хотя Линч прав в том, что, возможно, на дальнейшую рецепцию SSJ повлияла ранняя смерть Сакса через год после выхода статьи, в результате чего эту работу начали воспринимать как нечто «закостенелое», чуть ли не как его завещание, авторитет которого непререкаем²¹, в данном споре следует согласиться с Шэрроком, поскольку Линч очевидно ошибается, утверждая, что стремление СА к формальному анализу усилилось после выхода SSJ. Как мы видели, проблема «машинерии» социальных взаимодействий и их формальных свойств волновала Сакса изначально. Уже в первых лекциях он пользуется данным термином. Поэтому с появлением SSJ не произошло никакого принципиального изменения, скорее речь идет о возникновении развитого методологического аппарата, который может применяться к большому числу самых разных феноменов. В этом отношении можно согласиться и с оценкой Шэрроком последующего изучения проблематики очередности в разговоре: многие годы, а возможно и до сих пор, в этой области не появлялось ничего принципиально нового. Это в том числе объясняет, почему на SSJ гораздо больше ссылаются лингвисты, чем социологи: СА стал частью эмпирической лингвистической программы по накоплению примеров использования речи в коммуникации. Собственно социальные феномены, которые в первую очередь интересовали авторов SSJ, отходят на второй план, хотя не исчезают из поля зрения.

Такая общая оценка SSJ как изнутри СА, так и с этнометодологической позиции, выражаемой Линчем и Шэрроком, видимо, напрямую соотносится с тем, как понимается статус «набора правил», описанного в статье. Я постарался показать, что изначально эти правила носят не формально-аналитический, а феноменологический характер, поскольку указывают на задачи, рутинно решаемые в ходе работы разговора, а не на условия возникновения порядка. То, как мы понимаем набор

21. Сюда же можно добавить аргумент, касающийся более слабых связей Щеглоффа, фактически возглавившего СА после смерти Сакса, с Гарфинкелем и этнометодологией. Как отмечает сам Щеглофф (Smejrková, Prevignano, 2003: 36), из всей компании единомышленников, в которой родился СА (Сакс, Щеглофф и Саднау), он был менее других очарован этнометодологией.

правил, имеет важные последствия, в том числе с точки зрения понимания ряда центральных категорий, употребляемых в SSJ, и — для тех не-англоговорящих исследователей, кто пытается использовать методологию СА в своей работе, — с точки зрения перевода их на иные языки. Поэтому в конце я уделю внимание тем переводческим решениям, которые приходилось принимать при подготовке публикации SSJ на русском языке.

Трудности перевода

Поскольку хоть какой-либо устоявшейся традиции конверс-аналитических исследований на русском языке не существует, перевод ключевых терминов оказывается непростым занятием. Этому занятию отчасти помогает существование развитого русского лингвистического словаря, который, однако, «болен» тем, что в русскоязычной лингвистике недостаточно внимания уделяется изучению естественно протекающих разговорных взаимодействий. Среди русскоязычных публикаций по СА нужно отметить работы Анны Турчик (Турчик, 2010а, 2010б, 2013), Пиркки Пауккери (Пауккери, 2006) и Мерьи Пиккарайнен (Пиккарайнен, 2008, 2011). Кроме того, методологию СА использует в своих публикациях Дмитрий Рогозин (Рогозин, 2009; Рогозин, Турчик, 2008). Есть также ряд работ, в которых излагаются основные идеи СА (Исупова, 2002; Макаров, 2003; Сикорская, 2011). Все перечисленные авторы предлагают свои переводческие решения, имеющие последствия для того, как мы понимаем конверс-аналитические описания.

Прежде всего это касается ключевого термина «turn». Предлагалось множество разных вариантов перевода: «реплика», «репликовый ход», «репликовый шаг», «речевой шаг», «коммуникативный ход», «очередь». Как можно видеть, в основном переводы связаны с лингвистической трактовкой разговорных феноменов. Наиболее социологичным из предложенных вариантов является, видимо, «очередь», но он не очень удобен с точки зрения употребления, поскольку мы привыкли называть очередью несколько расположенных друг за другом элементов, а в данном случае речь идет об одной целостной единице. Для выбора варианта перевода необходимо более точно представить себе, что такое «turn». «Turn» — это все, что располагается между двумя последовательными сменами говорящих. В этом отношении «turn» — это изначально социальный феномен, поскольку он не только не связан с тем, какой репликой он «заполняется», но и представляет собой элемент очередности, не характерный исключительно для разговора. Как отмечалось выше, существует множество очередно-организованных видов деятельности, одним из которых выступает разговор. Таким образом, «turn» — это социальная единица, связанная с порядком взаимодействия²². Как показывают авторы SSJ,

22. Здесь необходимо упомянуть, что один из авторов SSJ в позднем интервью отмечает, что термин «turn» нужен был прежде всего, чтобы привлечь к СА лингвистов. В этом смысле «turn» — в большей степени лингвистическая единица, по крайней мере, лингвисты легко опознают ее (Prevignano, Thibault, 2003: 165–166).

получив «turn», говорящий не просто получает право на реплику, а приобретает права и обязанности, связанные с организацией текущего взаимодействия. Следовательно, «turn» важен прежде всего как то, чего добиваются и что ценят, т. е. как то, что функционирует в качестве предмета ориентации и распознавания в ходе разговора. «Turn» — это организационная, а не лингвистическая единица. Поэтому для перевода этого термина был выбран не очень привычный, хотя знакомый всякому говорящему на русском языке, вариант «черед». Мы пользуемся фразами «в свой черед», «мой черед» и т. д., которые указывают именно на тот социальный феномен, о котором пишут авторы SSJ. Тем не менее русский язык «не поворачивается», чтобы мы могли легко сказать, допустим, «получить черед», поэтому применение данного варианта перевода предполагает расширение возможностей употребления термина «черед». На мой взгляд, в данном случае насилие над языком оправданно, поскольку оно позволяет рассматривать чередование говорящих именно как чередование говорящих, а не мену коммуникативных ролей. Соответственно, перевод термина «turn-taking» должен осуществляться в той же логике. Наиболее последовательным вариантом было бы «чередование», но поскольку мы редко используем его сам по себе, обычно добавляя чередование *чего*, и поэтому употребление «чередования» без пояснения постоянно оставляло бы у читателя ощущение, что во фразе что-то пропущено, было принято решение использовать вариант «очередность».

Перевод других терминов представлял меньшие трудности, поскольку некоторые из них имеют уже сложившиеся аналоги, в том числе в лингвистике. Например, «adjacency pair» чаще всего переводят как «смежная пара», хотя есть и варианты «соседствующая» и даже «адъяцентная пара». Я использовал сложившийся вариант. Три термина, обозначающие различные феномены, возникающие на стыке чередов: «gap», «lapse», «overlap» переводились, соответственно, как «задержка», «заминка» и «наложение». В SSJ также применяется важный термин «repair», который иногда переводят как «ремонт», «починка» или «исправление». Я использовал вариант «исправление», поскольку он отсылает к нарушению организации взаимодействия, а не его «поломке». В строгом смысле при нарушении не происходит сбой, скорее, участники отмечают, что возникает возможность неправильного опознания разговорных событий *как* событий разговора.

Что касается менее часто используемых терминов, были приняты следующие варианты перевода: «allocation» — «назначение», «turn's talk» — «чередная реплика», «unit-type» — «типовая единица», «project» — «прогнозировать», «post-completer» — «постоконцовка», «pre-start» — «престарт», «recipient design» — «моделирование получателя».

Безусловно, эти переводческие решения не могут претендовать на окончательность. Мы находимся еще только в самом начале пути к появлению развернутого словаря для описания социальных феноменов порядка в разговоре на русском языке.

Заключение

Конверсационный анализ не испытывает недостатка в комментаторах и критиках. Это, среди прочего, свидетельствует как о зрелости дисциплины, так и ее революционном потенциале. Этот потенциал, однако, гораздо шире, чем принято считать. Если «конверсационный анализ — самый микро во всей микросоциологии» (Boden, 1990: 248), то дело не столько в том, что он предложил уникальную методику анализа разговорной речи, сколько в демонстрируемой им возможности «немотивированного» (Maunard, 2013: 18) изучения деталей социальной организации без компромиссов и без предубеждений. СА, как никакая другая дисциплина, за исключением разве что этнометодологии, раз за разом доказывает, что социальные феномены конкретны, что их можно только открыть и что для их открытия нам не нужно ничего, кроме способности присматриваться и прислушиваться к происходящему. Но эта способность, очевидно, не специфична для социологов. Мы можем обнаружить ее у участников любого повседневного взаимодействия. В этом смысле задача СА — сделать знакомое еще более знакомым, т. е. выявить, какими знакомыми способами знакомое делается знакомым. Это нетехническая задача, решить которую только методологическим путем невозможно. Необходима максимальная нетехническая детализация локальных феноменов порядка. В этом отношении нужно проводить принципиальную границу между деталями социальных действий и деталями транскриптов или аудио/видеозаписей. В той мере, в какой конверсационный анализ стремится схватывать детали социальных феноменов порядка, он представляет собой революционную социальную науку; в той мере, в какой он сводит их к деталям транскриптов, он становится социологической технологией производства данных, которая, когда ее применяют к социальным феноменам, ведет не к детализации практик производства локального социального порядка, а к их обобщению.

Литература

- Исупова О. Г. (2002). Конверсационный анализ: представление метода // Социология: 4М. № 15. С. 33–52.
- Макаров М. Л. (2003). Основы теории дискурса. М.: Гнозис.
- Пауккери П. (2006). Реципиент в русском разговоре: о распределении функций между ответами Да, Ну и Так. Helsinki: Helsinki University Printing House.
- Пиккарайнен М. (2008). Институциональные роли участников общения на российском телевидении. Pääaineen tutkielma. Helsingin yliopisto.
- Пиккарайнен М. (2011). Разговор на неродном языке: совместная деятельность участников при построении разговора // Языки соседей: мосты или барьеры? Проблемы двуязычной коммуникации / Отв. ред. Н. Б. Вахтин. СПб.: Изд-во ЕУСПб. С. 70–106.

- Рогозин Д. М. (2009). Некоммуникативные порядки в разговорах о теплоснабжении // *Телескоп*. № 3. С. 40–47.
- Рогозин Д. М., Турчик А. В. (2008). Разговоры с учителями о реформах в образовании: социологическая экспедиция в школы Екатеринбурга // *Телескоп*. № 2. С. 34–47.
- Сикорская М. Н. (2011). Конверсационный анализ: проблемы метода // Сборник работ 68-й научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета. Ч. 2. Минск: БГУ. С. 189–192.
- Турчик А. В. (2010а). Конверсационный анализ смеха в речевом взаимодействии: случай конструирования оценок власти // *Социологический журнал*. № 1. С. 21–36.
- Турчик А. В. (2010б). Конверсационный анализ речевого взаимодействия в ситуации исследовательского интервью. Дисс. ... к. соц. н. М.: Российский университет дружбы народов.
- Турчик А. В. (2013). Конверсационный анализ институционального взаимодействия: коммуникативные стратегии участников «прерванного» телефонного интервью // *Социология власти*. № 1-2. С. 122–154.
- Boden D. (1990). *People Are Talking: Conversation Analysis and Symbolic Interaction* // *Symbolic Interaction and Cultural Studies* / Ed. by H. S. Becker and M. M. McCall. Chicago: University of Chicago Press. P. 244–274.
- Broth M., Laurier E., Mondada L. (eds.). (2014). *Studies of Video Practices: Video at Work*. Abingdon: Routledge.
- Cmejrková S., Prevignano C. L. (2003). On Conversation Analysis: An Interview with Emanuel A. Schegloff // *Discussing Conversation Analysis: The Work of Emanuel A. Schegloff* / Ed. by C. L. Prevignano and P. J. Thibault. Amsterdam: John Benjamins. P. 11–55.
- Coulter J. (1983). Contingent and A Priori Structures in Sequential Analysis // *Human Studies*. Vol. 6. № 4. P. 361–376.
- Garfinkel H. (1967). *Studies in Ethnomethodology*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall.
- Goodwin Ch. (1981). *Conversational Organization: Interaction between Speakers and Hearers*. New York: Academic Press.
- Have P. ten. (1990). Methodological Issues in Conversation Analysis // *Bulletin de Méthodologie Sociologique*. № 27. P. 23–51.
- Heath Ch., Hindmarsh J., Luff P. (2010). *Video in Qualitative Research: Analysing Social Interaction in Everyday Life*. London: SAGE.
- Heritage J. (1984). *Garfinkel and Ethnomethodology*. Cambridge: Polity Press.
- Jefferson G. (2004). Glossary of Transcript Symbols with an Introduction // *Conversation Analysis: Studies from the First Generation* / Ed. by G. H. Lerner. Amsterdam: John Benjamins. P. 13–31.
- Lerner G. N. (2004). Introductory Remarks // *Conversation Analysis: Studies from the First Generation* / Ed. by G. H. Lerner. Amsterdam: John Benjamins. P. 1–11.

- Livingston E.* (1987). *Making Sense of Ethnomethodology*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Lynch M.* (2000a). The Ethnomethodological Foundations of Conversation Analysis // *Text*. Vol. 20. № 4. P. 517–532.
- Lynch M.* (2000b). Response to Wes Sharrock // *Text*. Vol. 20. № 4. P. 541–544.
- Lynch M.* (1985). *Art and Artifact in Laboratory Science: A Study of Shop Work and Shop Talk in a Research Laboratory*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Lynch M.* (1997). Ethnomethodology without Indifference // *Human Studies*. Vol. 20. № 3. P. 371–376.
- Lynch M., Bogen D.* (1994). Harvey Sacks's Primitive Natural Science // *Theory, Culture & Society*. Vol. 11. № 4. P. 65–104.
- Maynard D. W.* (2012). Everyone and No One to Turn to: Intellectual Roots and Contexts for Conversation Analysis // *The Handbook of Conversation Analysis* / Ed. by J. Sidnell, T. Stivers. Chichester: Wiley-Blackwell. P. 11–31.
- Prevignano C. L., Thibault P. J.* (2003). Continuing the Interview with Emanuel A. Schegloff // *Discussing Conversation Analysis: The Work of Emanuel A. Schegloff* / Ed. by C. L. Prevignano and P. J. Thibault. Amsterdam: John Benjamins. P. 165–171.
- Sacks H.* (1992). *Lectures on Conversation*. 2 vols. Cambridge: Blackwell.
- Sacks H.* (2004). An Initial Characterization of the Organization of Speaker Turn-Taking in Conversation // *Conversation Analysis: Studies from the First Generation* / Ed. by G. H. Lerner. Amsterdam: John Benjamins. P. 35–42.
- Sacks H., Schegloff E. A.* (2002). Home Position // *Gesture*. Vol. 2. № 2. P. 133–146.
- Sacks H., Schegloff E. A., Jefferson G.* (1974). A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation // *Language*. Vol. 50. № 4. P. 696–735.
- Sacks H., Schegloff E. A., Jefferson G.* (1978). A Simplest Systematics for the Organization of Turn Taking for Conversation // *Studies in the Organization of Conversational Interaction* / Ed. by J. Schenkein. New York: Academic Press. P. 7–57.
- Schegloff E. A.* (1988). Goffman and the Analysis of Conversation // *Erving Goffman: Exploring the Interaction Order* / Ed. by P. Drew and A. J. Wootton. Cambridge: Polity Press. P. 89–135.
- Schegloff E. A.* (1992). Introduction // *Sacks H. Lectures on Conversation*. Vol. 1. Cambridge: Blackwell. P. ix–lxii.
- Sharrock W. W.* (2000). Where the Simplest Systematics Fits: A Response to Michael Lynch's «The Ethnomethodological Foundations of Conversation Analysis» // *Text*. Vol. 20. № 4. P. 533–539.
- Sidnell J., Stivers T.* (Eds.). (2012). *The Handbook of Conversation Analysis*. Chichester: Wiley-Blackwell.

Turn-Talking: Non-technical Introduction to Conversation Analysis

Andrei Korbut

Research Fellow, National Research University Higher School of Economics

Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: korbut.andrei@gmail.com

This preface to the translation of Harvey Sacks, Emmanuel Schegloff, and Gail Jefferson's paper "A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation" discusses the conceptual and methodological foundations of conversation analysis. It shows that conversation analysis, which embodies the program of primitive natural social science formulated by Harvey Sacks, offers a revolutionary approach to the study of social phenomena, based on detailed analysis of naturally occurring everyday interactions. While remaining closely related to Harold Garfinkel's ethnomethodology, conversation analysis shows how careful and detailed can be sociological descriptions that involve the discovery of general mechanisms ("machinery") of the production of single events of conversation or any other social practice. This approach, however, risks losing the original purpose of studying the local concerted work of mutual understanding by the participants in social situations. The accumulation of the descriptions of general mechanisms of interactions' production and perception brings the tendency of formalization into conversation analysis: analysts tend to collect the instances and properties of already known "interactional techniques." The article considers the importance of "Simplest Systematics" in terms of the development of original program of conversation analysis, and discusses the peculiarities of translation of conversation analysis's key terms into Russian.

Keywords: conversation analysis, Harvey Sacks, ethnomethodology, sociology of everyday life, practice of conversation, methodology of sociology

References

- Boden D. (1990) *People Are Talking: Conversation Analysis and Symbolic Interaction*. *Symbolic Interaction and Cultural Studies* (eds. H. S. Becker, M. M. McCall), Chicago: University of Chicago Press, pp. 244–274.
- Broth M., Laurier E., Mondada L. (eds.) (2014) *Studies of Video Practices: Video at Work*, Abingdon: Routledge.
- Cmejrková S., Prevignano C. L. (2003) On Conversation Analysis: An Interview with Emanuel A. Schegloff. *Discussing Conversation Analysis: The Work of Emanuel A. Schegloff* (eds. C. L. Prevignano, P. J. Thibault), Amsterdam: John Benjamins, pp. 11–55.
- Coulter J. (1983) Contingent and A Priori Structures in Sequential Analysis. *Human Studies*, vol. 6, no 4, pp. 361–376.
- Garfinkel H. (1967) *Studies in Ethnomethodology*, Englewood Cliffs: Prentice-Hall.
- Goodwin Ch. (1981) *Conversational Organization: Interaction between Speakers and Hearers*, New York: Academic Press.
- Have P. ten (1990) Methodological Issues in Conversation Analysis. *Bulletin de Méthodologie Sociologique*, no 27, pp. 23–51.
- Heath Ch., Hindmarsh J., Luff P. (2010) *Video in Qualitative Research: Analysing Social Interaction in Everyday Life*, London: SAGE.
- Heritage J. (1984) *Garfinkel and Ethnomethodology*, Cambridge: Polity Press.
- Isupova O. (2002) Konversacionnyj analiz: predstavlenie metoda [Conversation Analysis: The Exposition of the Method]. *Sociology: 4M*, no 15, pp. 33–52.
- Jefferson G. (2004) Glossary of Transcript Symbols with an Introduction. *Conversation Analysis: Studies from the First Generation* (ed. G. H. Lerner), Amsterdam: John Benjamins, pp. 13–31.

- Lerner G. N. (2004) Introductory Remarks. *Conversation Analysis: Studies from the First Generation* (ed. G. H. Lerner), Amsterdam: John Benjamins, pp. 1–11.
- Livingston E. (1987) *Making Sense of Ethnomethodology*, London: Routledge & Kegan Paul.
- Lynch M. (1985) *Art and Artifact in Laboratory Science: A Study of Shop Work and Shop Talk in a Research Laboratory*, London: Routledge & Kegan Paul.
- Lynch M. (1997) Ethnomethodology without Indifference. *Human Studies*, vol. 20, no 3, pp. 371–376.
- Lynch M. (2000) The Ethnomethodological Foundations of Conversation Analysis. *Text*, vol. 20, no 4, pp. 517–532.
- Lynch M. (2000) Response to Wes Sharrock. *Text*, vol. 20, no 4, pp. 541–544.
- Lynch M., Bogen D. (1994) Harvey Sacks's Primitive Natural Science. *Theory, Culture & Society*, vol. 11, no 4, pp. 65–104.
- Makarov M. (2003) *Osnovy teorii diskursa* [The Foundations of Discourse Theory], Moscow: Gnozis.
- Maynard D. W. (2012) Everyone and No One to Turn to: Intellectual Roots and Contexts for Conversation Analysis. *The Handbook of Conversation Analysis* (eds. J. Sidnell, T. Stivers), Chichester: Wiley-Blackwell, pp. 11–31.
- Paukkeri P. (2006) *Recipient v russkom razgovore: o raspredelenii funkcij mezhdru otvetami Da, Nu i Tak* [Recipient in Russian Conversation: On the Distribution of Functions between Responses *Da, Nu* and *Tak*], Helsinki: Helsinki University Printing House.
- Pikkarainen M. (2008) *Institucional'nye roli uchastnikov obshhenija na rossijskom televidenii* [Institutional Roles of the Participants of Communication on Russian Television] (MA Dissertation), Helsinki: Helsinki University.
- Pikkarainen M. (2011) Razgovor na nerodnom jazyke: sovместnaja dejatel'nost' uchastnikov pri postroenii razgovora [Speaking Not-bother Tongue: Collaborative Activity of the Participants in the Conversation]. *Jazyki sosedej: mosty ili bar'ery? Problemy dvujazyčnoj kommunikacii* [Languages of the Neighbours: Bridges or Barriers?: Issues in Bilingual Communication] (ed. N. Vakhtin), Saint-Petersburg: EU SPb, pp. 70–106.
- Prevignano C. L., Thibault P. J. (2003) Continuing the Interview with Emanuel A. Schegloff. *Discussing Conversation Analysis: The Work of Emanuel A. Schegloff* (eds. C. L. Prevignano, P. J. Thibault), Amsterdam: John Benjamins, pp. 165–171.
- Rogozin D. (2009) Nekommunikativnye porjadki v razgovorah o teplosnabzhenii [Non-communicative Orders in the Conversations about Heat Supply]. *Teleskop*, no 3, pp. 40–47.
- Rogozin D., Turchik A. (2008) Razgovory s uchiteljami o reformah v obrazovanii: sociologicheskaja jekspedicija v shkoly Ekaterinburga [Conversations with Teachers about Educational Reforms: Sociological Expedition to the Ekaterinburg Schools]. *Teleskop*, no 2, pp. 34–47.
- Sacks H. (1992) *Lectures on Conversation*, Cambridge: Blackwell.
- Sacks H. (2004) An Initial Characterization of the Organization of Speaker Turn-Taking in Conversation. *Conversation Analysis: Studies from the First Generation* (ed. G. H. Lerner), Amsterdam: John Benjamins, pp. 35–42.
- Sacks H., Schegloff E. A. (2002) Home Position. *Gesture*, vol. 2, no 2, pp. 133–146.
- Sacks H., Schegloff E. A., Jefferson G. (1974) A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation. *Language*, vol. 50, no 4, pp. 696–735.
- Sacks H., Schegloff E. A., Jefferson G. (1978) A Simplest Systematics for the Organization of Turn Taking for Conversation. *Studies in the Organization of Conversational Interaction* (ed. J. Schenkein), New York: Academic Press, pp. 7–57.
- Schegloff E. A. (1988) Goffman and the Analysis of Conversation. *Erving Goffman: Exploring the Interaction Order* (eds. P. Drew, A. J. Wootton), Cambridge: Polity Press, pp. 89–135.
- Schegloff E. A. (1992) Introduction. Sacks H. *Lectures on Conversation, Vol. 1*, Cambridge: Blackwell, pp. ix–lxii.
- Sharrock W. W. (2000) Where the Simplest Systematics Fits: A Response to Michael Lynch's "The Ethnomethodological Foundations of Conversation Analysis". *Text*, vol. 20, no 4, pp. 533–539.
- Sidnell J., Stivers T. (eds.) (2012) *The Handbook of Conversation Analysis*, Chichester: Wiley-Blackwell.
- Sikorskaya M. (2011) Konversacionnyj analiz: problemy metoda [Conversation Analysis: Problems of the Method]. *Sbornik rabot 68-j nauchnoj konferencii studentov i aspirantov Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Ch. 2* [Proceedings of the 68th Scientific Conference of

- Undergraduate and Graduate Students of the Belarusian State University], Minsk: BSU, pp. 189–192.
- Turchik A. (2010) Konversacionnyj analiz smeha v rechevom vzaimodejstvii: sluchaj konstruirovaniya ocenok vlasti [Conversation Analysis of Laughter in Speech Interaction: The Case of the Construction of the Evaluations of Power]. *Sociological Journal*, no 1, pp. 21–36.
- Turchik A. (2010) *Konversacionnyj analiz rechevogo vzaimodejstvija v situacii issledovatel'skogo interv'ju* [Conversation Analysis of Speech Interaction in the Situation of Research Interview] (Candidate of Sciences Dissertation), Moscow: People's Friendship University of Russia.
- Turchik A. (2013) Konversacionnyj analiz institucional'nogo vzaimodejstvija: kommunikativnye strategii uchastnikov "prervannogo" telefonnogo interv'ju [Conversation Analysis of Institutional Interaction: Communicative Strategies of the Participants of "Interrupted" Telephone Interview]. *Sociology of Power*, no 1-2, pp. 122–154.